

Nino Aroshidze

Batumi Shota Rustaveli State University in Georgia

Особенности грузинской языковой картины мира в свете межкультурной коммуникации

Введение

История лингвистической мысли развивалась вместе с объектом своего изучения: описывая разные языки, ученые пытались найти в них универсальные закономерности развития, объяснить причины многоязычия человечества, зафиксировать языковое разнообразие во всей своей полноте. Становление теоретического языкознания стимулировало исследование родственных языков, усилился интерес не только к генеалогическим, но и к типологическим классификациям. Появление на научной арене структурно-семантической парадигмы способствовало исследованию семиотического характера языка: языкового знака и языковой системы, противопоставлению языка и речи. «Лингвистический поворот» философской мысли способствовал повышению интереса к языку. Лишь во второй половине двадцатого века лингвисты «обнаружили», что вне сферы их интересов до сих пор оставались сами участники речевого общения. Стремительное развитие теории коммуникации, вызванное очередной волной научно-технического прогресса, стимулировало становление антропоцентрической научной парадигмы, в рамках которой возникло множество смежных научных дисциплин: лингвистика текста, социолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, этнолингвистика, когнитология и пр. Термин «язык» все чаще стал употребляться в неразрывном единстве с термином «культура», а прагматический подход к исследованию функционирования языковых единиц добавил к ним третий компонент «социум». Собственно лингвистические исследования приобрели интердисциплинарный характер, углубились когнитивным подходом (Язык – Мышление – Культура – Социум).

Расцвет новой лингвистической научной парадигмы способствовал теоретическому обобщению богатейшего переводческого опыта. Переводоведение как наука отражает основные достижения лингвистической мысли. Дли-

тельный прикладной период переводческой деятельности демонстрировал то преобладание буквалистического подхода (прежде всего при переводе религиозных текстов), который сменился расцветом свободного перевода. Для художественного перевода был характерен литературоведческий подход, сменившийся лингвистическим и в настоящее время превратившийся в лингво-культурологический. Причем перевод наиболее наглядно демонстрирует интердисциплинарный характер лингвистических исследований, ибо при соприкосновении с другой культурой и социальным укладом человек начинает глубже осмысливать особенности своего «видения» мира.

Межкультурная коммуникация стала сегодня повседневным явлением, но осмысление ее проблем – сложный и многогранный процесс, который все еще ждет своих исследователей, причем для полноты научной картины мира необходимы исследования всех языковых систем и культур, ведь этносы живут в разных условиях и по-разному осмысливают окружающую их действительность. И если каждый участник межкультурного диалога рано или поздно приходит к пониманию этой разницы, то переводчик, являясь посредником между двумя языками и культурами, формирующимися на всем протяжении жизни социума, постоянно имеет дело именно с особенностями лингвокультурного кода.

Грузинский язык и культура характеризуются весьма специфичным восприятием мира, зафиксированным в ключевых концептах и отображенным в маркерах весьма самобытной языковой системы. Изменение общественно-политической парадигмы в конце двадцатого века изменило языковую ситуацию в Грузии. Раньше, находясь в составе Российской империи, а позже – Советского Союза, для грузин первостепенным по важности был русский язык (как язык регионального, межнационального и международного общения), что способствовало всеобщему (русско-грузинскому) билингвизму. В школах изучались европейские языки (английский, французский, немецкий), но господство грамматического подхода и отсутствие речевой практики сводили к минимуму возможность свободного владения этими языками. Поэтому в основном контакты осуществлялись через посредство русского языка, активно развивалось переводоведение (с русского языка на грузинский и с грузинского на русский). Но начиная с 90-ых годов XX века, став самостоятельной республикой, Грузия активизировала непосредственные контакты с зарубежными странами, был взят курс на вхождение Грузии в общеевропейское пространство. Реформа образования резко изменила языковую политику: повсеместно стал изучаться английский язык. Резко возрос объем переводной литературы с английского языка на грузинский, что, в свою очередь, потребовало тщательного изучения грузинской языковой картины мира, сравнительно-сопоставительных характеристик грузинского и английского языков, социокультурных, психолингвистических, когнитивных исследований.

Современные процессы всеобщей глобализации (экономической, политической, языковой) не могли не вылиться в глобализацию культуры. Многочисленные межкультурные контакты (межправительственные, интерперсональные и др.) столкнулись с проблемой *лингвотнического барьера*, когда непонимание или недопонимание проистекает не столько из незнания каких-то языковых единиц, сколько из незнания культурного кода собеседников. *Как очень точно выразилась Светлана Григорьевна Тер-Минасова*, на пути глобализации, подрывая успехи науки и техники, встал «человеческий фактор»: языковой и культурный барьеры (Тер-Минасова 2001:14).

Исследование разнообразных языковых картин мира становится все более необходимым условием многочисленных межкультурных контактов, ибо успешная взаимодействие невозможна без взаимопонимания, а для этого необходимо изучать язык и культуру стран партнеров, их историю и современное устройство, литературу и медиа-тексты, то есть мировидение данных народов. Постоянные контакты и взаимное общение формирует так называемое «глобальное культурное пространство», в котором, с одной стороны, проявляются *несоответствия между ключевыми концептами разных культур*, с другой же – *обнаруживается наличие схожих языковых маркеров современной «глобальной деревни»*, маленький, но весьма экзотический уголок которой представляет собой Грузия.

Теория

Понятие языковой картины мира (модель мира, образ мира) формировалось в конце XIX/начале XX века в трудах немецкого философа и лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта, австрийского философа Людвиг Витгенштейна, немецкого лингвиста Йоханна Лео Вайсгербера, американского лингвиста и антрополога Эдварда Сепира, американского лингвиста Бенжамина Уорфа и других ученых, анализирующих взаимоотношение языка, сознания и культуры. Основопологающей является идея В. фон Гумбольдта о том, что национальный характер культуры находит отражение в языке посредством особого видения мира. Как полагал ученый, оба феномена, и культура и язык, определяются соответствующим этносом, «духом» народа. Язык и культура, будучи относительно самостоятельными феноменами, связаны через значения языковых знаков, которые обеспечивают онтологическое единство языка и культуры (Гумбольдт 1985:72).

В. Гумбольдт считает, что язык – это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека». Основываясь на этом, будучи средой нашего обитания, язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти; он меняет свои очертания с каждым движением мысли, с каждой новой социально-культурной ролью (Гумбольдт 1985:38).

С.Г. Тер-Минасова различает окружающий человека мир в трех формах – это реальная картина мира, культурная (или понятийная) картина мира и языковая картина мира. Именно культурная картина мира различается у разных народов, что обусловлено многими факторами, такими как география, климат, социальное устройство, верования, традиции, образ жизни (Тер-Минасова 2000:41). Языковая картина мира, в свою очередь, отражает реальность через культурную картину мира. Тер-Минасова подчеркивает сложность вопроса о соотношении культурной и языковой картин мира, суть которого сводится к различиям в преломлении действительности в языке и культуре (Тер-Минасова 2000:46).

У каждого народа вырабатывается особый, характерный для него способ восприятия и устройства мира, происходит его концептуализация, то есть с помощью разных языковых единиц отражаются отдельные представления этого народа об окружающем мире, которые образуют единую систему представлений о мире, особую картину мира. Все, кто владеет этим языком (по определению Юрия Николаевича Караулова - языковые личности) и представляют данный этнос, создают в процессе коммуникации тексты в соответствии с выработанной системой ценностей, что формирует их менталитет и отличает их от других этнических групп (Караулов 2010). Именно в процессе овладения языком происходит незаметное усвоение этой лингвокультурологической информации. В силу разного общественно-политического устройства, различных природных и географических условий проживания, разного опыта и пр. формируются национальные картины мира, которые, безусловно, включают в себя общечеловеческие ценности, схожие достижения цивилизационного процесса, но вместе с тем отличаются весьма существенными деталями. Поэтому успешное межкультурное общение зависит не только от знания языка собеседника, но и от знания и понимания элементов иной концептуальной системы.

Понятие картины мира (в том числе и языковой), по мнению В.А. Масловой, строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображённая в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним. Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора. Ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определённой национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа (Маслова 2001: 64-66).

Разнообразие научных подходов к проблеме определения языковых картин мира проанализировано нами в монографии «Различия языковых картин мира в клишированных образах» (Тбилиси, 2013), но за последние несколько лет появились очень интересные работы как теоретического, так и практического характера, посвященные специфике национальных картин мира. В первую очередь это касается грузинского мировидения, грузинского менталитета, исследования особенностей грузинских культурных концептов.

Саломе Омиадзе, анализируя специфику грузинской культуры, акцентирует внимание на таких концептах, как «судьба», «свет», «ветер», к сожалению, вне сферы интересов этого ученого остались такие, с нашей точки зрения ключевые для грузинской языковой картины мира концепты, как «родина», «война/мир», «свобода/воля» и др. (Омиадзе 2009:110).

Национальный корпус грузинского языка все еще находится в стадии разработки, не подготовлены пока материалы для создания лингвокультурологического словаря, что, несомненно, затрудняет работу над ключевыми концептами грузинской культуры. Но радует то обстоятельство, что на современном этапе развития грузинской лингвистики, все больше исследований посвящается такому составляющим культурного кода нации, как прецедентные имена, прецедентные тексты, зоонимы, языковые маркеры концептов, устойчивые клишированные образы, национальные метафорические образы и пр.

Основные составляющие культурного кода и методы исследования

Языковой и культурные барьеры – это целый ряд норм, которые затрудняют межкультурную коммуникацию или делают ее невозможной. Явным заблуждением является убеждение, что достаточно выучить иностранный язык и мы с легкостью поймем иностранца. Не очень-то помогает знание языка, когда мы слушаем анекдот, все смеются, а тебе не смешно. Чем меньше текст по объему, тем больше в нем задействовано имплицитных средств выражения мысли.

Языковой барьер представлен не только элементами разных языковых подсистем (фонетика, лексика, морфемика, морфология, синтаксис и пр.), недостаточно знать, какой инвентарь языковых средств имеется в данном языке, надо еще уметь правильно использовать их в речи. Узуальные нормы – важный аспект межкультурной коммуникации. Англичанин не выразит запрет в категорической форме, а русские предпочитают императивы, выраженные инфинитивом: «По газонам не ходить». В процессе межкультурной коммуникации самым важным является все-таки незнание коммуникативных норм, это широкий набор страноведческих понятий, носителем которых являются такие языковые единицы, как фразеологизмы. Невозможно объяснить студенту суть выражения «Отправился в Ньюкасл со своим углем», если не приведем

соответствующее русское выражение «В Тулу со своим самоваром не ездят», в грузинской культуре подобную функцию выполняет выражение «Поехал в Гори и повез яблоки». Параллелизм функционирования данных конструкций объясняется соответствующими фоновыми знаниями: в английской культуре Ньюкасл - центр угольной промышленности Великобритании, поэтому данное выражение означает нецелесообразный поступок; в русской культуре общеизвестен факт, что Тула являлась центром самоварной промышленности, отсюда также вытекает вывод о бессмысленности поступка; для Грузии, весьма богатой разными фруктами, Гори является признанным лидером по выращиванию разнообразных сортов яблок, поэтому данное выражение используется в схожей типовой ситуации, что и предыдущие.

Культурный барьер трудно преодолить, тут надо время, терпение и постоянное стремление узнавать новое. Нельзя изучать язык народа, не изучая его историю, культуру. Процесс отражения окружающего нас объективного мира в национальных языковых картинах мира очень ярко проявляется в процессе перевода. Ведь переводчик – посредник не только между двумя языками, но и между двумя культурами. Очень часто в процессе перевода приходится сталкиваться с разницей, обусловленной разными национальными картинами мира. В одной из своих работ С.Г. Тер-Минасова приводит деление лексики на три группы:

1. слова, лексический объем которых почти полностью совпадает в двух языках;
2. слова с частично совпадающим лексическим объемом и
3. лакуны (Тер-Минасова 2000:69).

В первую очередь обращают на себя внимание лакуны, именно они отражают те разные явления и предметы быта, национальной кухни, которые появились в разных культурах. Однако, оказалось, что труднее всего переводить не лакуны, их относительно мало (*chadi, sacivi*) и хорошо зная иную культуру можно использовать описание своеобразного понятия (как это сделал грузин, продающий в Москве чурчелы, он написал – «грузинский канфет»). Сложнее всего передать разное отношение представителей разных культур к схожим понятиям. Грузинское «*dila*», английское «*morning*», русское «утро»: казалось бы в чем разница? Но у англичан день (в том числе и утро), строго структурирован, а у нас и у русских, как сказал М. Задорнов, «когда встал, тогда и доброе утро».

Интересные примеры, как по-разному отражается реальный мир в национальных картинах мира, содержатся в переводных баснях. Являясь миниатюрными комическими сценками дидактического содержания, басни отражают быт и обычаи народа, хотя часто их объектом становятся такие общечеловеческие недостатки, как жадность, фарисейство, глупость и пр. Как отмечает Марина Арошидзе, когда А. Церетели перевел басню И.А. Крылова «Ворона и Лисица» на грузинский язык, то вместо чисто русского обращения «Голубуш-

ка», в грузинском варианте писатель использует грузинскую форму обращения «madly shens gamchens», что дословно означает «Да будут благословены родившие тебя». А в басне «Лебедь, щука и рак» у грузинского поэта вместо «щуки» появляется «форель». Это обусловлено тем фактом, что для стремительных горных рек – щука явление нехарактерное, тогда как форели встречаются на каждом шагу. В данной басне щука олицетворяет лицо, которое тянет воз в другую сторону (вперед в воду), поэтому ее просто было заменить на привычный для грузин образ стремительной форели. А вот если бы переводили на грузинский язык «Премудрого пескаря», в этом случае замена была бы невозможной, так необходимо было сохранить образ хищницы (Арошидзе 2008:117).

Мы воспринимаем мир через «вуаль» (термин Тер-Минасовой), роль которой выполняет национальный язык. Но ведь современный мир поликультурный. Постоянные межкультурные контакты обусловили повышенный интерес к проблемам межкультурной коммуникации. Когда переводчик выступает посредником между двумя культурами, он должен ориентироваться на картину мира языка оригинала и языка перевода. При переводе рассказа, героиня которого после встречи с черной кошкой решила пойти в обход, необходимо поменять «русскую» черную кошку на английскую «белую».

Язык не просто отражает мир, он хранит в себе старые представления человека, так называемая «донаучная», «наивная» картина мира. Солнце по-прежнему встает, заходит, хотя все знают, что Земля вращается вокруг Солнца. Русские при встрече желают друг другу здоровья, а грузины, пережив огромное количество нашествий врагов, желают друг другу победы: грузинская этикетная формула *gamarjoba* (здравствуйте) произошла от *gamarjveba* (победа). Русские при встрече желают друг другу здоровья, а грузины, сохраняя ко. Меняются наши представления о мире, расширяется круг зоонимов, которые по-разному используются в разных культурах для характеристики человека. Многие зоонимы русской и грузинской культуры совпадают: трусливый, как заяц, хитрая лиса и пр., а некоторые меняют свой облик. Так в древней грузинской литературе зооним «осел» употреблялся в значении «мудрый» (см. Сулхан Саба Орбелиани «Мудрость вымысла», 1959), затем главенствующей стала коннотация – «упрямый как осел» и «ишачить». Но под влиянием современных анимационных фильмов образ осла в сознании детей меняется, так как после симпатичного русского ослика Иа, друга Винни-Пуха, появился популярный фильм Шрек, в котором осел – самый умный персонаж. Не могу не вспомнить устойчивые сравнения с существительным «змея». В русском языке – коннотация явно негативная: Ах, ты гадюка. Змея подколодная. Та же ситуация в грузинском, выражения *gvelis sisini*, *gvelis nakmeni* (дословно: змеиный свист, змеиный укус) используются для характеристики оскорбительных реплик женщин.

Язык действительно отражает окружающий нас мир в привычных для конкретной нации образах, с учетом сложившегося быта, традиций. Язык по своей сути идеологичен, писал Роланд Барт, усваивая любой иностранный язык, мы

расширяем свой кругозор, начинаем «видеть» то, что ранее было скрыто под вуалью нашего родного языка (Барт 1989).

Основными составляющими специфического культурного кода каждой нации, по нашему мнению, являются материальные и духовные памятники культуры, которые образуют в сознании соответствующих языковых личностей целостную систему, каждый элемент которой вызывает ряд важных для этого этноса ассоциаций. Материальные памятники имеют соответствующие языковые «ярлыки» - прецедентные имена и названия. Для каждого грузина Светицховели – это не просто христианский храм (монастырь, церковь) – это символ грузинской культуры и христианской религии, благодаря огромному текстовому массиву: фольклор, грузинская классика, медиа-тексты и пр., благодаря трепетному отношению грузин к запоминающимся страницам грузинской истории, благодаря личному опыту (многочисленные школьные и не только экскурсии в Мцхету, где расположен Светицховели).

Материальные памятники и их языковые номинации впитывают в себя большой объем сведений, закрепленных в виде культурных коннотаций. Именно эти имплицитные единицы порождают чаще всего проблемы в межкультурной коммуникации, а их исследование представляет собой сложный процесс, требующий особых методологических подходов, которые проявляются при концептуальном анализе, дискурс-анализе, ассоциативном эксперименте и пр. Сравнительно-сопоставительный анализ исходного текста с текстом перевода позволил нам выявить особенности грузинской языковой картины мира в сопоставлении с английским и русским языками.

Полученные данные

Концептуальный анализ опирается на большой объем текстового материала, который зафиксирован в произведениях устного народного творчества, отражающих многовековую мудрость народа, в трудах классиков, в медиа-текстах, которые в условиях современного научно-технического прогресса приобретают все большую информативную нагрузку.

Переводческая практика свидетельствует о том, что нельзя переводить отдельные слова, термины или выражения, необходимо соотносить их с подобными понятиями, существующими в языке оригинала и в языке перевода. На первый взгляд перевод повести И.С. Тургенева «Первая любовь» с русского языка на грузинский может вызвать вопрос. Почему переводчик заменил жанр и вместо повести использовал слово рассказ? Ответ весьма прост. В грузинском литературоведении прозаические жанры исчерпываются тремя основными формами: *motxroba* (рассказ), *novela* (новелла), *romani* (роман), поэтому повесть, в зависимости от объема, переводят или как рассказ, или как роман.

Совместно с Анастасией Думбадзе нами было проведено исследование по выявлению специфики языкового выражения концепта «свобода/воля» в русском и грузинском языках, которое обнаружило с одной стороны схожесть данных концептов в этих языках, а с другой - интересные различия в семантике и в языковом оформлении. В грузинском языке есть две языковые единицы: *tavisufleba* и *neba*, которые с некоторой долей условности можно перевести как свобода и воля соответственно. Схожесть заключается в том, что данный концепт в обоих языках является бинарным, довольно близким по смыслу, так как в этом концепте превалирует концепт свобода – *tavisufleba*. Это слово является более употребительным и несет более широкий спектр значений. Наличие подобной схожести значений можно предположительно объяснить естественным стремлением всех народов к свободе и независимости, а также длительным влиянием со стороны русского языка и русской культуры на жизнь грузинского народа.

Концепт *tavisufleba* (свобода) выражает в грузинской культуре широкий спектр значений: свобода слова, прессы, вероисповедания, человека, получения информации, мысли, совести, выражения, манифестаций, организаций; гражданская свобода, личная свобода; воля личности, человека, общества. Вторая часть бинарного концепта *neba* (воля) переводится как личностная воля, то, что нельзя отнять у человека.

Специфика грузинской культуры обусловила интересные синонимы вышеуказанных концептов, не имеющих прямых аналогов в русском языке: *tavistavado* (буквально «сам себе господин») и *halvatoba* (то есть свобода от семейных обязанностей и от других обязательств в целом, беззаботный, несколько безответственный). Восприятие подобных тонких нюансов, имеющих оценочное значение, приобретает особую важность при переводе.

Своеобразный языковой маркер был обнаружен нами при анализе концепта «Родина» в грузинском языке, если в славянских языках повсеместно встречается выражение «родная земля», то грузины употребляют выражение *mshobliuri mitsa-tsyali*, что дословно означает «родные земля и вода», в грузинской культуре образ горной речки весьма актуален, а житейская мудрость закрепила необходимость земли и воды для жизни крестьянина.

Некоторые концепты демонстрируют интересную специфику, связанную с разницей грамматических структур разных языков, так, например, наличие грамматической категории рода в русском языке помешало переводчику Михаилу Донскому при переводе произведения Джерома Клапки Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» сохранить грамматическую метафору *father-Thames*, в русской версии мы встречаем выражение «старушка-Темза», ибо в языковом сознании представителей русской культуры четко зафиксирован женский образ реки (матушка-Волга и пр.). В грузинском языке грамматическая категория рода отсутствует, что позволяет сохранить специфику образа, данного в оригинале, хотя переводчик Г. Гахокидзе при выборе соответствующего эквивалента выбрал вариант “*beberi-temza*” (старый/старая Темза).

Долгое пребывание в составе Российской Империи и Советского Союза с политикой активной русификации не могло не отразиться на грузинской концептуальной системе, в частности, в ней представлены реалии, прецедентные единицы, вошедшие в грузинский язык или из русской культуры, или через посредство русской культуры. Условно их можно разделить на три пласта: макроуниверсалии, распространенные в большинстве языков и не требующие особых комментариев при переводе (коммунизм, социализм, Великая Отечественная война, Красная Шапочка, Гамлет); реалии регионального характера, известные в определенном геополитическом регионе (советизмы: комсомолец, пионер, октябренок) и национальные прецеденты, характерные для конкретного этноса (Давид Строитель, Георгий Саакадзе, Комбле и пр.). Перевод культурных коннотаций, являющихся составной частью концепта, требует от переводчика высокого профессионализма.

Заключение

Перевод как особая разновидность межкультурной коммуникации, подразумевает преодоление лингвоэтнического барьера и включает в себя транскодирование и языкового, и культурного кода. Культурные коннотации, семантическое наполнение даже на первый взгляд схожих концептов, отличаются в разных языках, и требуют «погружения» в культуру переводимого текста. В некоторых случаях помимо языковых норм роль барьера играют речевые нормы. Изменение общественно-политической ситуации в Грузии привело к смене переводческого фокуса, раньше он был сконцентрирован на русско-грузинском переводе. В настоящее время большой объем англо-грузинских переводов демонстрирует необходимость систематических исследований всех особенностей лингво-этнического барьера между английской и грузинской языковыми картинками мира (разносистемный характер языков, языковые нормы, узус, этно-культурные реалии и пр.), вскрывает несоответствия между ключевыми концептами разных культур, с другой же – демонстрирует массовость заимствований из английского языка, наличие схожих языковых маркеров формирующегося «глобального культурного пространства».

REFERENCES

- 1) Арошидзе Нино. Различия языковых картин мира в клишированных образах. Тбилиси, Универсал, 2013.
- 2) Арошидзе Марина, Арошидзе Нино. Художественный текст как культурный код нации и проблемы его перевода. Международная научно-практическая конференция (Ульяновск, 20 января 2015 г.) «Современные технологии обучения иностранным языкам», стр.117-122. Россия, Ульяновск, 2015.
- 3) Культурная адаптация переводного текста. Материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода». Греция, Салоники. Россия, Москва, 2008.

- 4) Барт Роланд. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст]. М.: Прогресс, 1989.
- 5) Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., Прогресс, 1984.
- 6) Караулов Юрий Николаевич. Русский язык и языковая личность. М., Издательство ЛКИ, 2010.
- 7) Лотман Юрий Михайлович. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.
- 8) Маслова Валентина Авраамовна. Лингвокультурология. М., Академия, 2001.
- 9) Тер-Минасова Светлана Григорьевна. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008. https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php.
- 10) Омиадзе Саломе. Культурологическая парадигма грузинского языка. Тбилиси, 2009.
- 11) Орбелиани Сулхан Саба. Мудрость вымысла. Тбилиси. Издательство Заря Востока, 1959.

Peculiarities of the Georgian Linguistic World image in the Context of Cross-Cultural Communicaiton

Abstract: The article reviews specific features of the Georgian linguistic world image shaped during the long period of its existence. The analysis covers the cultural concepts and language markers that reflect the national characteristics. Being a special kind of cross-cultural communication, translation is a process of overcoming the linguistic and cultural barriers, and includes transcoding of language code as well as the cultural one. On the one hand, it uncovers the discrepancies between the key concepts in different cultures, and on the other hand, it demonstrates existence of the similar language markers of the 'global cultural space' that is being formed.

Keywords: Georgian linguistic world image, cultural concepts, cross-cultural communication, linguistic and cultural code, translation challenges, language markers of the modern global cultural space